

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 171–177

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 171–177

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

Научная статья

УДК 821.161.1-3-9.09+811.161.1'42+929Ильф

Жанровые характеристики «Записных книжек» И. Ильфа

В. И. Карасик^{1,2✉}, Э. А. Китанина^{1,2}

¹Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ¹профессор кафедры общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Китанина Элла Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, ¹заведующий кафедрой общего и русского языкознания, ²профессор кафедры русского языка как иностранного, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

Аннотация. Рассматривается речевой жанр «Журналистский блокнот» на материале «Записных книжек» Ильи Ильфа. Базовым интенциональным признаком этого жанра является фиксация наблюдений и размышлений, выраженных в словах и высказываниях, замеченных внимательным и ироничным писателем. Журналистский блокнот представляет собой совокупность ярких речевых примеров, записанных в качестве материала для дальнейшего использования в публицистических статьях и художественных текстах. Этот жанр включает следующие единицы: 1) контрадикторные обозначения, содержащие в себе некое внутреннее противоречие и представленные множеством однословных и неоднословных номинативных конструкций, странных забавных фамилий, смешных окказионализмов, 2) экспрессивные описания, точно характеризующие изображаемую реальность и включающие пародируемые образцы речи и различные виды стилизации, 3) конденсированные повествования, в сжатой форме показывающие различные сюжеты, в которых проявляются определенные типы людей, 4) имплицативные рассуждения, для интерпретации которых требуется объяснение контекста эпохи, такие импликации создают ощущение включенности в действительность двадцатых и тридцатых годов прошлого века, 5) экзистенциальные констатации, содержащие в себе ценностную картину мира. Журналистский блокнот как комплексный речевой жанр сближается с дневником и комментарием, выражает акцентированно личное отношение автора к происходящему и фиксирует наиболее важные признаки эпохи. Для писателя журналистский блокнот выступает в качестве предтекста для создания художественного произведения. Многие записи из журналистского блокнота И. Ильфа вошли впоследствии в романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», написанные в соавторстве с Е. Петровым.

Ключевые слова: речевой жанр, журналистский блокнот, Илья Ильф, ценностная картина мира, юмор

Для цитирования: Карасик В. И., Китанина Э. А. Жанровые характеристики «Записных книжек» И. Ильфа // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 2 (46). С. 171–177. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genre characteristics of “Notebooks” by I. Ilf

V. I. Karasik^{1,2✉}, E. A. Kitanina^{1,2}

¹Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38/1 Ostozhenka, Moscow 119034, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Ella A. Kitanina, ella_kitanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1936-9495>

Abstract. The paper considers the speech genre “Journalist’s Notebook” on the material of Ilya Ilf’s “Notebooks”. The basic intensional feature of this genre is the fixation of observations and reflections expressed in words and statements noticed by the attentive and ironic writer. The journalistic notebook is a set of vivid speech examples recorded as material for further use in journalistic articles and fiction texts. This genre includes the following units: 1) contradictory denotations, which contain a certain internal contradiction and are represented by a multitude of one-word and non-word nominative constructions, strange funny names, funny occasionalisms, 2) expressive descriptions, which accurately characterize the depicted reality and include parodied speech samples and various types of stylization, 3) condensed narratives, which concisely show various plots in which certain types of people appear, 4) implicative reasoning, the interpretation of which requires an explanation of the context of the epoch, such implicatures create a feeling of inclusion in the reality of the twenties and thirties of the last century, 5) existential statements containing a value picture of the world. The journalistic notebook as a complex speech genre comes closer to the diary and commentary, expresses the author’s accentuated personal attitude to what is happening and fixes the most important signs of the epoch. For a writer, the journalist’s notebook acts as a pre-text for the creation of a work of fiction. Many notes from I. Ilf’s journalistic notebook were later included in the novels “The Twelve Chairs” and “The Golden Calf”, written in co-authorship with E. Petrov.

Keywords: speech genre, journalistic notebook, Ilya Ilf, value picture of the world, humor

For citation: Karasik V. I., Kitanina E. A. Genre characteristics of “Notebooks” by I. Ilf. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 2 (46), pp. 171–177 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-2-46-171-177>, EDN: NYMMJI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Записная книжка для многих людей докомпьютерной эры была постоянным спутником жизни. Мы фиксировали в ней дни рождения родных и друзей, номера телефонов и всякую полезную информацию, которая может понадобиться по случаю. Затем у нас появились ежедневники, органайзеры, толстые блокноты, куда записывались текущие поручения и сведения, необходимые по работе. У некоторых сформировалась привычка с утра записывать то, что следовало сделать в течение дня, и вечером вычеркивать выполненное. Сейчас на смену этим блокнотам пришли электронные планшеты и смартфоны. Разумеется, в записных книжках отражалась личность человека, который ее вел. В этом плане заслуживают внимания записные книжки писателей, документальное свидетельство сбора актуального жизненного материала, который впоследствии превращался в художественное произведение. Жанровый статус журналистского блокнота еще требует обоснования, но, как представляется, этот тип речевой коммуникации может рассматриваться в качестве объекта теории речевых жанров [1, 2].

В данной работе предметом анализа являются записные книжки замечательного отечественного писателя Ильи Арнольдовича Ильфа, хорошо известного нашим соотечественникам по книгам «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», написанным в соавторстве с Евгением Петровичем Петровым. Творче-

ство И. А. Ильфа и Е. Е. Петрова привлекало внимание исследователей [3–10]. «Записные книжки» И. Ильфа были изданы в виде отдельной книги¹. Эти записи часто делались во время творческих командировок: писатель был журналистом, и, как и многие представители этой профессии, сумел побывать в разных странах и городах, отметить яркие впечатления и заслуживающие внимания факты. Писатель фотографически точно заносил в свой блокнот выхваченные из реальности языковые знаки: «Замечательный стилист, Ильф в своих записных книжках экспериментировал со словом, производил отбор точных, ярких, образных выражений, коллекционировал интонации, ритмы разговорных фраз, с наслаждением приглядываясь к тому, как в глубинах словосочетаний загораются искорки юмора» [4: 119].

Основные результаты и их обсуждение

По времени записи в этих книжках распадаются на датированные фрагменты с 1925 по 1937 г.

Можно выделить следующие разновидности записей в рассматриваемом тексте: 1) контрадикторные обозначения, 2) экспрессивные описания, 3) конденсированные повествования, 4) имплицативные рассуждения, 5) экзистенциальные констатации. В основу такого выделения типов записей положены признаки композиционно-речевых форм речи (повествования, описания, рассуждения) и базовые

¹Ильф И. А. Записные книжки. М. : Советский писатель, 1957. 216 с.

интенции автора (наименование, намёк, комментарий).

Контрадикторные обозначения содержат в себе некое внутреннее противоречие, они представлены множеством однословных и неоднословных номинативных конструкций:

Циничная погода (по-видимому, погода, насмешливо опровергающая прогнозы), *планомерная ангина* (болезни не должны происходить по плану), *подсознательный насморк* (сталкиваются несополагающиеся понятия).

В блокноте приводится множество странных и забавных фамилий:

Каучуконосов, Улучшанский-Ухудшанский, Июньский-Июльский, Ледовитов, Нерасторгуев, Парижанский-Пружанский и др. Парадоксально сочетаются имя с фамилией и отчество: *Борис Абрамович Годунов*. У известного русского исторического персонажа неожиданно появляется еврейское отчество. Такие антропонимы фоносемантически создают калейдоскопическую картину реальности, в которой случается всё. Этот антропонимикон впоследствии вошел в текст дилогии «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок».

Зафиксированы окказиональные обозначения:

Изобретенческие вопросы. Стандартным было бы прилагательное *изобретательские*, в окказиональном слове заложен другой смысл: возможно, это вопросы, возникающие в ходе изобретения. *Дымоуправление*. Это отклонение от слова *домоуправление* иронически характеризует контору, которая занимается ненужным и бесполезным делом: дымом управлять невозможно. *Памятник первопечатнику*. Перед нами игровое каламбурное совмещение слов *первопечатник* и *опечатка*.

В жанровом плане весьма интересны небольшие экспрессивные описания, словесные зарисовки, точно характеризующие ту реальность. Например:

Как забыть, Самарканд, твои червонные вечера, твои пирамидальные тополя, немного нищего, целующего поданную медную монету.

В этом высказывании, начинающемся классическим анапестом, виден почерк настоящего мастера пера. Возникает несколько ярких образов, усиленных повторами местоимений и цветовых образов (червонный вечер – медная монета).

Записан удачный эпитет:

Тяжёлая, чужунная, осенняя муха.

Уточняющая характеристика «тяжелая чужунная» является оригинальным авторским описанием.

Глупость хлынула водопадом.

Экспрессивное описание показывает мощный поток высказанных глупостей.

Вызывает улыбку сравнение несопоставимых ситуаций:

Кот повис на диване, как Ромео на верёвочной лестнице.

Мы помним, что Ромео пытался попасть к Джульетте, когда между их семьями была кровавая вражда, и поэтому каждое его движение было рискованным.

Среди разных описаний попадаются фразы, которые граничат с пустоговорками, эти высказывания, вероятно, фиксировались для речи будущих героев художественного текста:

Ах, как трудно быть красивым, когда некрасив.

Писатель точно воспроизводит образцы канцелярита:

Из статьи в газете: «По линии огурцов дело обстоит благополучно...»

Вызывают ироническую улыбку тяжеловесные псевдоюридические определения:

Пожаром признаётся всякое несчастье, происшедшее от огня, какие бы причины его ни вызвали.

Дана точная характеристика определенным типам людей:

Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Выражение – всеми фибрами души, т. е. испытывать какую-либо эмоцию в максимальной степени («фибра» означает «жилка, нерв») [11, 12] – трансформируется в карикатурное обозначение «всеми фибрами чемодана», мы понимаем, что чемодан замещает душу этого субъекта.

Писатель в совершенстве владел приёмами стилизации:

Знайте же, о члены комиссии по сокращению штатов, что жил некогда бедный счетовод в Багдаде.

Происходит накладка двух сюжетов: заседает комиссия по сокращению штатов, но некий счетовод начинает говорить языком Шахерезады.

Некоторые формулировки иронически модифицируют различные устойчивые выражения:

Над городом слышался скрип колеса Фортуны.

Действия Фортуны – богини удачи – невозможно предугадать, выражение «колесо Фортуны» означает переменчивость судьбы, как правило – от хорошего к плохому. Она изображалась стоящей на крылатом колесе. Такая конкретизация фразеологического образа переводит ситуацию из высокой в обиходно-сниженную.

Некоторые выражения интересны как приемы скрытого сравнения:

– *Крепкий у вас волос, – сказал парикмахер, который в будние дни играл на скрипке.*

Волосы сравниваются со струнами музыкального инструмента.

Мы сразу представляем себе участников диалога:

Одной наивностью теперь не возьмете, дорогой мой. Надо еще и думать иногда. Одним темпераментом не обойдетесь.

Так, вероятно, журил опытный редактор начинающего автора.

Запоминается необычный взгляд на привычные явления:

Вечерняя газета писала о затмении солнца с такой гордостью, будто она сама его устроила.

Писателю удавалось найти интересные сравнения:

Два затуманенных от высоты самолёта тащили за собой белые рукава.

Юморист удивительно точно характеризует типы людей:

Снялся на фоне книжных полок, причем вид у него был такой, будто все эти книги он сам написал.

Некоторые высказывания стали крылатыми фразами:

Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двадцать корректур. И все рано на титульном листе было написано: «Британская энциклопедия».

Запоминаются конденсированные повествования, в которых показан сюжет, заслуживающий внимания:

Омолодился и умер от скарлатины.

В этом повествовании иронически охарактеризована насмешка судьбы.

Отдельные записи выражают абсурдные сюжеты:

Иванов решил нанести визит королю. Узнав об этом, король отрёкся от престола.

Отречение от престола – это чрезвычайный акт отказа от власти и королевских регалий. Следовательно, встреча с этим Ивановым была бы для короля абсолютно невыносимой. Этот абсурдный сюжет перекликается с сюжетами Д. Хармса.

Для сатирика особенно значимы определенные типы людей:

Сам себе писал множество писем, чтобы досадить почтальону.

Можно пожалеть туриста, которого околдовали иностранные витрины:

Не в силах отвести глаз от витрин, так и не заметил он Стамбула и Афин.

В определенной мере эта фраза является характеристикой многих наших современников.

Мы не знаем, речь идет о фактах или вымысле, но примеры запоминаются:

Шел Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: «Сказочные материалы». Это

было так непонятно, что он вернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: «Смазочные материалы».

Поэт видит то, что ему хочется видеть.

К имплицативным рассуждениям можно отнести высказывания, для интерпретации которых требуется широкий контекст эпохи.

Заслуживает внимания описание торжественного заседания, на котором произносятся длинные речи, а в определенные моменты звучат марши духового оркестра:

Когда начинается «да здравствует», музыканты уже надувают щёки. Читается не резолюция, а текст, годный для конституции республики средних размеров.

Мы понимаем, что выступление сопровождается эмоциональными здравицами в адрес руководства страны и прославления народа, совершившего революцию (поездка в одну из республик Средней Азии в 1925 г.). Это собрание носит характер тщательно соблюдаемого ритуала, речи продолжают долго.

Запоминаются объявления:

Дирекция просит публику не нарушать художественной цельности спектакля аплодисментами во время хода действия.

Мы понимаем, что аудитория состоит из эмоциональных, экспансивных и не очень образованных людей, которые с восторгом реагируют на театральное представление.

От внимательного взгляда репортера не ускользают бытовые недостатки:

Опасно ласкать рукой радиаторы парового отопления – они всегда покрыты пылью.

В этом описании можно заметить удивление тех, кто лишь недавно стал жить в доме с паровым отоплением, людям хотелось погладить эти чугунные батареи.

Некоторые фразы можно прочесть как диагноз эпохи:

Конкурс лгунов. Первый приз получил человек, говоривший правду.

Определенные формулировки требуют исторического комментария:

Он за советскую власть, а жалуется он просто потому, что ему не нравится вообще наша солнечная система.

Быть против советской власти означало быть врагом. Жалоба на что-либо могла восприниматься как провокация. Объяснение в приведенном примере выводит высказывание за рамки здравого смысла. Мы понимаем, что кто-то пытается спасти человека, не сдержавшего свои чувства.

Чуткий журналист записывает чьи-то фразы или конструирует их как заготовки для будущего сюжета:

«Я умру на пороге счастья, как раз за день до того, когда будут раздавать конфеты».

Видно, что этому герою всю жизнь хотелось конфет, и у него не было средств, чтобы их купить. Перед нами грустная обобщающая метафора: счастье сводится к сытой сладкой жизни. Такое представление о счастливом будущем входило в государственную идеологию нашей страны на определенном этапе ее развития для некоторой части населения. Но допустима и иная интерпретация этой фразы: умереть на пороге счастья – значит почти прикоснуться к нему.

В центре внимания сатирика находится точная характеристика определенных человеческих типов:

Человек, с которым надо сидеть рядом и указывать ему, что хорошо, а что плохо, иначе он может перепутать.

Обычно так ведут себя родители с маленькими детьми. Здесь можно увидеть ассоциацию с известным стихотворением В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?».

Заслуживают внимания типичные способы маскировки своего невежества:

Если человек говорит: «Мне нужно освежить в памяти сюжет», это значит, что он ничего не читал.

В ряде случаев мы действительно сталкиваемся с банальной забывчивостью, но проницательный сатирик показывает, что весьма часто подобные фразы используются для сохранения лица.

Иронично звучит название учреждения:

Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Легенда о прокрустовом ложе является иллюстрацией болезненной подгонки разных людей под единый стандарт. Вероятно, во время командировок журналисту не раз приходилось спать на слишком коротких кроватях. В этой фразе мы видим осуществление идеологической программы увековечения памяти известных деятелей государства в названиях населенных пунктов и учреждений.

В некоторых лапидарных объявлениях (или квазиобъявлениях) можно увидеть серьезную критику социальных недостатков:

По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда.

Понимающий читатель сразу догадается, что в этой столовой процветало воровство.

Интересны записи, которые представляют собой концентрированные сюжеты:

Анекдот о петухе, которого несут к часовщику, потому что он стал петь на час раньше.

Диагнозом эпохи является отношение ко всему как к механизмам, предназначенным для выполнения определенных функций.

Впечатляют фантастические гиперболы И. Ильфа:

Она была так ошеломлена тем, что увидела, что выбежала из комнаты и тут же превратилась в растение. Теперь это называется «История одного фикуса в зеленой кадлушке».

Особый тип записей образуют экзистенциальные констатации, высказывания, содержащие в себе ценностную картину мира.

Удивительна добрая ирония, с которой писатель смотрит на мир:

Слёзы, пролитые на спектаклях, надо собирать в графины.

Это наблюдение характеризует всю эпоху двадцатых годов XX века, когда в нашей стране возникало новое общество удивительно искренних людей.

Заслуживают внимания аллюзии:

Ему 33 года. А что он сделал? Создал учение? Говорил проповеди? Воскресил Лазаря?

Упоминаются деяния Иисуса Христа.

Записи изобилуют жизненными наблюдениями:

Актёры не любят, когда их убивают во втором акте четырёхактной пьесы.

Мы понимаем, что актёрам нужно внимание публики.

Глубокий критический смысл виден в формулировке:

Неправильную установку можно выправить. Отсутствие установки исправить нельзя.

Речь идет о людях с предельной эластичностью мнений, т. е. о приспособленцах.

Писатель иронически изображает общество, в котором все действуют по приказам:

Приказано быть смелым.

Смелость не может появиться по приказу.

Вызывает сочувствие экзистенциальное несовпадение взглядов на мир у людей, принадлежащих к разным эпохам:

– Бога нет!

– А сыр есть? – грустно спросил учитель.

Учитель понимает, что его ученики повторяют, как попугаи, пропагандистское клише. Он не спорит с ними, а задает вопрос самому себе.

Вызывает улыбку замечание, записанное, наверно, после неприятного разговора с редактором:

Почему, когда редактор хвалит, то никого кругом нет, а когда мямлит, что плоховато, что надо доработать, то кругом толпа и даже любимая стоит тут же.

Это искреннее и немного детское огорчение говорит нам о том, что все мы очень ранимы.

Писатель с горечью констатирует, во что превращается творческий человек, когда вдохновение покидает его:

Композиторы ничего не делали, только писали друг на друга доносы на нотной бумаге.

Среди различных смешных и занимательных фраз в записной книжке И. Ильфа выделяется диалог, резко контрастирующий по своей тональности с бытовыми зарисовками писателя:

- Ты меня слышишь?
- Да, я тебя слышу.
- Хорошо тебе на том свете?
- Да, мне хорошо.
- Почему же ты такой грустный?
- Я совсем не грустный.
- Нет, ты грустный. Может, тебе плохо среди серафимов?
- Нет, мне совсем не плохо. Мне хорошо.
- Где же твои крылья?
- У меня отобрали крылья.

Этот диалог начинается как спиритический сеанс встречи с близким человеком, который уже умер и попал в рай. Спрашивающий сразу понимает, что его собеседнику плохо в том раю. Неожиданный ответ потрясает: это, оказывается, был не человек. Охраняющие рай серафимы лишили пришельца крыльев. Кем

был тот, кого лишили крыльев? Мы понимаем, что этот рай похож на тюрьму.

Заключение

«Записные книжки» И. Ильфа представляют собой особый речевой жанр – журналистский блокнот, базовым интенциональным признаком которого является фиксация наблюдений и размышлений, выраженных в словах и высказываниях, замеченных внимательным и ироничным писателем. Речевыми единицами этого жанра являются 1) контрадикторные обозначения, 2) экспрессивные описания, 3) конденсированные повествования, 4) имплицитивные рассуждения, 5) экзистенциальные констатации. Журналистский блокнот как комплексный речевой жанр сближается с дневником и комментарием, выражает акцентированно личное отношение автора к происходящему и фиксирует наиболее важные признаки эпохи. Для писателя журналистский блокнот выступает в качестве предтекста для создания художественного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
2. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с.
3. Афанасьева Т. С. Литературная архетипика и мотивно-образная система дилогии И. Ильфа и Е. Петрова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 23 с.
4. Вулс А. З. И. Ильф, Е. Петров. Очерк творчества. М. : Гослитиздат, 1960. 376 с.
5. Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 22 с.
6. Лурье Я. С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. 236 с.
7. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Миры И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М. : Изд-во РГГУ, 2015. 293 с.
8. Поздняков К. С. Творчество Ильи Ильфа и его литературный круг: формирование креативного класса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2019. 40 с.
9. Попченко И. В. Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира (на материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
10. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

11. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд. М. : ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
12. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель; АСТ; Люкс, 2005. 926 с.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010. 600 p. (in Russian).
2. Dementyev V. V. *Integral'noe opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
3. Afanasyeva T. S. *Literary Archetypes and Motif-image System of the Dilogy of I. Ilf and E. Petrov*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Magnitogorsk, 2009. 23 p. (in Russian).
4. Vulis A. Z. *I. Ilf, E. Petrov. Ocherk tvorchestva* [I. Ilf, E. Petrov. Sketch of creativity]. Moscow, Goslitizdat, 1960. 376 p. (in Russian).
5. Dergileva J. I. *Artistic Anthroponymicon in Linguo-cultural Representation (on the Material of I. Ilf's and E. Petrov's Dilogy "The Twelve Stooges" and "The Golden Telegraph")*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Belgorod, 2008. 22 p. (in Russian).
6. Lurie Ya. S. *V krayu nepuganykh idiotov. Kniga ob Il'fe i Petrove* [In the land of unscares idiots. The book about Ilf and Petrov. 3rd ed., rev. and suppl.]. Saint Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2005. 236 p. (in Russian).
7. Odesskiy M. P., Feldman D. M. *Miry I. A. Il'fa i E. P. Petrova: Ocherki verbalizovannoy povsednevnosti* [Worlds of I. A. Ilf and E. P. Petrov: Sketches of verbalized everyday life]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2015. 293 p. (in Russian).

8. Pozdnyakov K. S. *Creativity of Ilya Ilf and his Literary Circle: the Formation of the Creative Class*. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Samara, 2019. 40 p. (in Russian).

9. Popchenko I. V. *Comic Picture of the World as a Fragment of the Emotional Picture of the World (On the Material of the Texts of I. Ilf and E. Petrov)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2005. 24 p. (in Russian).

10. Shcheglov Y. K. *Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya* [The novels of Ilf and Petrov. A Reader's Companion]. Saint Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2009. 656 p. (in Russian).

DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS

11. *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii. Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo* [Baranov A. N., Dobrovolsky D. O., eds. Academic Dictionary of Russian Phraseology. 2nd ed.]. Moscow, LEKSRUS, 2015. 1168 p. (in Russian).

12. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar': okolo 6000 frazeologizmov. Pod red. V. M. Mokienko* [Mokienko V. M., ed. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: About 6000 phraseological phrases]. Moscow, Astrel, AST, Lyuks, 2005. 926 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 25.09.2024; опубликована онлайн 30.05.2025

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 25.09.2024; published online 30.05.2025